

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ФИТОТЕРАПИИ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

А.А. Карпеев

Национальный совет по гомеопатии (г. Москва)

History of phytotherapy.
Ancient Greece (continued)

А.А. Karpeev

National council for homeopathy (Moscow, Russia)

РЕЗЮМЕ

Статья является шестой по счету в серии очерков по истории фитотерапии. В предыдущей статье, касающейся истории фитотерапии в Древней Греции, основное внимание было уделено учению Гиппократов, использованию им лекарственных растений в медицинской практике. Настоящая статья продолжает исследование использования фитотерапевтических средств врачами античности, рассматривается деятельность и труды «отца ботаники» Теофраста.

Ключевые слова: Древняя Греция, медицина, фитотерапия, лекарственные растения, философия, ботаника, Аристотель, Теофраст.

RESUME

Current article is 6th in a series of articles devoted to the history of phytotherapy. The previous article described the teaching of Hippocrates and his use of remedial plants in medical practice. In continuation we research use of herbal medicines by ancient doctors considering activity and work of Theophrastus – “the father of botany”.

Keywords: Ancient Greece, medicine, phytotherapy, remedial plants, philosophy, botany, Aristotelle, Theophrastus.

Мы вновь встречаемся с древнегреческой цивилизацией в самый замечательный период ее существования – классический. Это было потрясающее время в истории всего человечества. Поражает воображение созвездие великих имен, звучавших в то время. Великие ученые, философы, врачи, драматурги, архитекторы, скульпторы, историки, поэты, политики, словно сговорившись появились на свет именно в этот благодатный промежуток времени. Случайно ли это? Ведь выдающиеся личности появлялись во все исторические периоды, в других цивилизациях, но чтобы в таком количестве и практически одновременно – совпадение? Вряд ли.

Было, видимо, все-таки в этом народе какое-то негасимое пламя, требующее постоянной подпитки, как физической (пример Спарты), так и духовной. Иначе, зачем этим солдафонам (а Греция почти непрерывно воевала) были нужны наука и искусство? В чем-то ответ можно найти в письме македонского царя Филиппа, приглашающего философа (!) Арис-

тотеля в качестве воспитателя своего сына Александра – будущего великого полководца. Царь писал ученому: «У меня родился сын, но я менее благодарен богам за то, что они мне его дали, чем за то, что они позволили ему родиться в твоё время. Ибо я надеюсь, что твоя забота и твои поучения сделают его достойным будущего государства». Это писал человек, всю жизнь проведший в седле, воин, многократно раненый и, казалось бы, далекий от сантиментов, но носящий в своей душе огонь, побуждающий выше всего ставить интересы государства. Этот огонь – особенный, он горит, пылает, но не сжигает, не испепеляет. Может быть, это и есть та самая пассионарность, о которой спустя десятки веков писал великий русский ученый Л.Н. Гумилев. Он обозначал пассионарность как характерологическую доминанту, «необоримое внутренне стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Цель эта часто представляется пассионарной особи

иногда даже ценнее собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников». Далее ученый рассуждает о том, что этнос может пройти (нужно думать, что может и не пройти) фазы подъема, когда появляются люди «длинной воли» – пассионарии [3].

Древняя Греция (в меньшей степени, Древний Рим), безусловно, прошла эту фазу (может быть, не раз). Разве не являются пассионариями, например, Ликург, по собственной воле ушедший из жизни, лишь бы его идеи и принципы развития царства продолжали лежать в основе управления страной; Сократ, добровольно принявший смерть, но не отступивший от своих принципов; Аристотель, попавший в смертельно опасную опалу у своего ученика всемогущего Александра Македонского, но не изменивший себе самому? Можно привести и другие примеры пассионарных личностей в древнегреческом обществе. Но и это не объясняет поистине массовый «звездопад» гениев, не случившийся затем ни в какую другую эпоху. Да, видимо, и не может быть в этом случае исчерпывающего объяснения. Слишком сложные многомерные процессы шли в этом обществе, да и знаем мы о нем только маленькую малость, а в этой малости – только внешнюю оболочку, разорванную, растерзанную временем. Мы не знаем, например, какая была музыка у древних греков. А ведь она была, были исполнители (певцы и музыканты), а значит были и авторы. Но не было нотной грамоты, и музыка эта забыта, а, видимо, она была прекрасна, как и все древнегреческое искусство. Но ее нельзя запечатлеть в мраморе, благодаря которому мы и сейчас можем восхищаться античными статуями. Ее нельзя выразить словами, благодаря которым нас и по сей день волнуют и потрясают трагедии Софокла, комедии Аристофана. Я помню, как в начале 60-х годов прошлого века в московском театре им. Маяковского великолепный Н.П. Охлопков поставил «Медео» Еврипида. Театральная Москва была потрясена! Казалось бы (по аналогии с шекспировским: «Что он Гекубе? И что ему Гекуба?»), что могло тронуть сердца людей, большинство из которых совсем недавно пережили ужасы самой страшной войны в истории? Но ведь трогало, да еще как! И не только в потрясающем финале, когда актриса Е. Козырева, игравшая Медео, убившую своих детей, чтобы отомстить предавшему ее мужу, выходила из жилища с окровавленным ножом, и за ним тянулся кровавый след, но и на протя-

жении всей трагедии, написанной более двух тысяч лет назад.

Согласитесь, необыкновенный был народ – древние греки. И медицина у них была замечательная, несравненно лучшая, чем во всех предыдущих цивилизациях. Даже в следующей цивилизации, древнеримской, лучшей характеристикой врача считалось его греческое происхождение.

Наша работа не ставит целью исследование древнегреческой медицины. Но на двух ее достижениях невозможно не остановиться. Первое – мы уже упоминали совершенно новую для европейской медицины форму подготовки медицинских кадров – медицинские школы. Они очень разнились между собой, исповедовали разные философские взгляды (а медицина, напомним, в те времена считалась частью философии), уповая, в основном, на магическую составляющую диагностики и лечения. Да и как было не соглашаться с этими постулатами, когда их произносили такие титаны философской мысли как Эмпедокл и особенно Платон? И чудо, что на этом фоне появляется Косская школа со своим лидером Гиппократом, повернувшим медицину к реальной жизни, очистившим ее (нужно сказать, что не полностью и не сразу) от магической основы, заложившим основы ее научности. Совершенно необычной и чрезвычайно важной для судеб медицины была Александрийская медицинская школа, явившаяся связующим звеном двух медицинских цивилизаций (древнегреческой и древнеримской) и сохранившей для Европы ценнейшие работы гениальных древнегреческих философов и врачей (хотя очень большая часть этого богатства все-таки погибла при пожарах).

Организаторская и творческая мысль древнегреческих врачей вызвала к жизни интереснейшую и совершенно необычную для того времени (да и для более позднего тоже) форму оказания медицинской помощи. Имеются в виду асклепийоны – храмы в честь Асклепия, в которых в организованном порядке осуществлялась помощь больным людям.

Ученые считают, что лечебные храмы появились в Древней Греции в VII–VI веках до н.э., затем, по мере нарастания значения роли Асклепия в развитии медицины, трансформировались в храмы его имени – асклепийоны. Самые первые асклепийоны образовались в Трикке (Фессалия), Эпидавре (Пелопонес), на острове Кос. В основном в них практиковали

жрецы из рода асклепиадов, люди, хорошо знавшие тогдашнюю медицину. Существовала строгая система отбора пациентов: в храм была закрыта дорога тяжелобольным людям, тем более – страдающим неизлечимыми болезнями. Не допускались к лечению беременные женщины [2].

При поступлении больному предписывались ванны, диеты, очистительные процедуры. Значительное место занимали молитвы. Поощрялись жертвоприношения. По мнению исследователей, именно в асклепийонах родились медицинские термины «миазм» – осквернение, «фармакос» – человек, на которого жрец переносил болезнь с пациента. Но основное действо ожидало больного ночью, когда его помещали в абатон – крытую галерею, в которую никто не имел права входить, кроме пациента и жреца. Здесь больного погружали в инкубационный сон, который вызывался наркотическими веществами. Представлялось, что жрец, анализируя сновидения, сможет понять и подсказать больному причину болезни и необходимое лечение. Естественно, что для введения пациента в наркотический сон использовались известные в то время лекарственные растения [9].

Что касается применения в асклепийонах лечебных трав, то они, конечно же, использовались, но, несомненно, в магическом, шаманском аспекте. Асклепийоны были ярким воплощением могучего направления древнегреческой медицины, идеологами которого являлись такие мощные философы-врачи, как Эмпедокл и в еще большей степени Платон, неоднократно указывающий на медиумные способности как на основу врачебного искусства. Поэтому трудно согласиться с известным исследователем С.Ю. Трохачевым, который пишет: «Известно, что параллельно с научной медициной в Греции существовало храмовое врачевание с центрами в асклепийонах – святилищах бога Асклепия. Подразумевалось, что в тяжелых случаях, при бессилии рационального знания, оставалась последняя надежда на богов» [14]. Во-первых, исследователь, как мне кажется, излишне оптимистичен, разыскав в Древней Греции вполне сформировавшуюся научную медицину, а, во-вторых, он явно недооценивает роль магической медицины в лечебном процессе, отводя ей лишь место в лечении тяжелых заболеваний. В чем смысл платоновской медицины (напомню, что Платон, помимо того, что был величайшим и авторитетней-

шим философом, являлся идеологом и главой огромного и влиятельнейшего направления в древнегреческой медицине)? Суть своих воззрений на медицину и, в частности на лечение, он определял следующим образом: «Соответственно из всех видов очищения и укрепления тела наиболее предпочтительна гимнастика; на втором месте – стоит колебательное движение при морских или иных поездках, если только они не приносят усталости; а третье место занимает такой род воздействий, который, правда, приносит пользу в случае крайней необходимости, но в остальное время, безусловно, неприемлем для разумного человека: речь идет о врачебном очищении тела силой лекарств. Если только недуг не представляет чрезвычайной опасности, не нужно дразнить его лекарствами. Дело в том, что строение любого недуга некоторым образом сходно с природой живого существа, между тем последняя устроена так, что должно пройти определенную последовательность жизненных сроков, причем как весь род в целом, так и каждое существо в отдельности имеет строго положенный ему предел времени, которого и достигает, если не вмешивается сила необходимости. Сами составляющие это существо треугольники при своем соединении наделены способностью держаться только до назначенного срока и не могут продлить свою жизнь долее. Таким же образом устроены недуги, и поэтому обрывать их течение прежде положенного предела силой лекарств может лишь тот, кто хочет, чтобы из легких расстройств происходили тяжелые, а из немногих – бесчисленные. Следовательно, лучше руководить недугом с помощью упорядоченного образа жизни, насколько это позволяют нам обстоятельства, нежели дразнить его лекарствами, делая тем самым беду закоренелой». Было бы, конечно, недопустимым упрощением на основании только этого высказывания судить о медицинских взглядах Платона. Этот мудрейший философ писал и так: «Нельзя лечить отдельную часть тела без того, чтобы не лечить целое. Не следует пытаться лечить тело, не леча душу и, если голова и тело должны быть здоровы, начинать надо с лечения сознания» [13]. Кто из современных врачей не подпишется под этим изречением? Но медиумные способности, тем не менее, Платон расценивает как основу врачебного искусства. («Пир») [12].

Римский писатель-софист Флавий Филострат так пишет о методах врачевания той

поры: «Иарх воротился к разговору о волховании, перечислив многие блага, кои оно несет людям, и величайшим из этих даров назвал врачевание, ибо никогда-де не постигли бы мудрые Асклеиады сию науку, не будь Асклепий сыном Аполлона, и не приготавливай он потребное каждому недугу зелье по слову и вещанию отца своего – и не только детям своим передал Асклепий это искусство, но и почитателей своих научил, какими травами врачевать влажные раны и какими засохшие или покрытые коростой, и какою мерою отпускать лечебные снадобья, дабы изгнать воду из водяночных или задержать кровь у кровоточивых, или остановить чахотку и проистекающее от нее истощение. Кто будет отрицать, что от волхования идет наука и о противоядиях и от лечения теми же ядами множества недугов? Ибо по моему разумению без посредства пророческой мудрости никогда не отважились бы люди сочетать губительные зелья со спасительными» [17]. Вот, где видели в те времена истоки фитотерапии.

Это говорит о том, что дать однозначную оценку врачеванию того времени невозможно. Следует согласиться с той точкой зрения, что оба эти направления были необходимыми в то время, развивались в борьбе друг против друга и этим самым обеспечивали диалектические условия поступательного движения медицины вперед.

Невозможно говорить об истории, не упоминая при этом ее действующих лиц. В данном случае речь идет о древнегреческих врачах, которые, как и все врачи того времени, конечно же, были фитотерапевтами по определению и отсутствию выбора.

Их имена в большинстве своем, к сожалению, занесены зыбучими песками времени, но немало имен сохранилось в памяти потомков. Начать этот список хочу с уникальной, хотя и полумифической, женщины-врача. В IV веке до н.э. в Афинах появился врач, который в своей деятельности отдавал предпочтение лечению женщин, но постоянно сталкивался с тем, что женщины неохотно идут лечиться к врачу-мужчине. В конце концов врач вынуждена была открыться одной из пациенток в том, что она женщина, которая переодевшись в мужское платье получила образование в одной из медицинских школ (предположительно, у известного врача Герофила), и женщины повалили к Агнодике (так звали врача) чуть ли не толпой. Этого не смогли стерпеть ее коллеги-

мужчины. Последовал донос, затем суд и приговор: смертная казнь. Дело в том, что в демократических Афинах запрещалось женщинам заниматься медициной под страхом самого сурового наказания. Но судьи не учли возможности коллективного женского сопротивления. На улицы Афин вышло огромное количество женщин с протестом против решения судей, и те вынуждены были изменить вердикт, разрешив Агнодике практиковать. К сожалению, по мнению многих исследователей, история Агнодики – это не более, чем красивая легенда. Сомнения в реальности существования первой женщины-врача усиливаются, когда мы узнаем, что единственным автором, запечатлевшим Агнодику в своих трудах, был Гигин, который, как мы уже отмечали, был не только собирателем и интерпретатором мифов, но иногда и их создателем.

Правда, существует еще один литературный источник, в котором упоминается Агнодика, но и его достоверность очень сомнительна. Речь идет о произведении француза Г.Э.Ф. Лантье «Атеноровы путешествия по Греции и Азии». На титульном листе – «Рукопись, найденная в Геркулане и переведенная на французский язык». Книга впервые увидела свет во Франции в 1798 году и быстро стала очень популярной в Европе. На русский язык она была переведена в начале XIX века, за короткое время переиздавалась 4 раза (последнее издание в 1822 году). Правда, следует сказать, что европейскими исследователями она очень быстро была признана мистификацией и отнесена к жанру приключенческой литературы, и ажиотаж вокруг нее быстро сошел на нет.

Достойно сожаления, что описанное в ней – красивая выдумка. Ведь там на нескольких страницах упоминается женщина-врач Агнодика. В частности, описано ее врачебное действие, вошедшее в учебники по психотерапии и известное всем врачам со студенческой скамьи (конечно, без всякого упоминания Агнодики). Суть дела в том, что некоему древнегреческому уважаемому и богатому гражданину стала ужасно досажать муха, садившаяся ему на нос, лишь только он намеревался писать или читать. Сгнать навязчивое насекомое не удавалось никакими силами, врачи, в том числе и самые знаменитые, разводили руками (можно себе представить, как выйдя от больного они крутили пальцем у виска). Страдания больного между тем усиливались. Так продолжалось до прихода нему Агнодики. Посетив несколь-

ко раз больного, безрезультатно использовав несколько лекарств, она не отвернулась от него, но в один из визитов взяла стопку бумаг и шлепнула ими по носу больного, после чего показала ему заготовленную заранее дохлую муху. Больной выздоровел, умножив славу женщины-врача [10].

Думаете, что по примеру Агнодики греческие женщины стройными рядами ринулись в медицину? Ошибаетесь, и это еще раз доказывает мифологичность симпатичной героини. В течение многих веков европейские женщины работали в медицине помощниками врача, сестрами милосердия (позднее – медицинскими сестрами), акушерками, повивальными бабками и пр. И только после 1849 года, когда американка Элизабет Блэквелл получила диплом врача, европейские женщины стали пополнять врачебные ряды. Зато в двадцатом и следующем за ним веке женщины с лихвой компенсировали прежнее отставание.

Мне хочется упомянуть еще двух древнегреческих врачей (всего двух из великолепной когорты, но что поделаешь – размер и тематика работы вносят свои ограничения). Часто, говоря о великих людях, мы вспоминаем их происхождение и, чаще всего, их родителей, справедливо видя в них генетическую основу гениальности сына или дочери. Исследователи скрупулезно копаются в жизни родителей гения, пытаются установить какие-то закономерности, обусловившие необыкновенность их чада. Иногда это удается, чаще – нет.

Вот и мы сегодня вспомним древнегреческого врача Никомаха, который был весьма известен в Афинах, хотя родился на острове Андрос. Он принадлежал к семейству Асклепиадов и вел свое происхождение от Никомаха, сына Махаона, внука Асклепия. В Афинах Никомах пользовался довольно большой известностью, написал семь книг (шесть по медицине, одну по натурфилософии). Но даже это вряд ли оставило бы его имя среди известнейших персонажей древнегреческой истории, если бы не колоссальная слава его сына – великого философа всех времен Аристотеля. Будучи верным многолетней традиции Асклепиадов, Никомах с раннего детства обучал сына азам медицины. Этим объясняется широко известный факт частого использования философом медицинских терминов в своих сочинениях [1]. Кстати, после смерти Никомаха Аристотелю (ему в то время было пятнадцать лет) досталась великолепная библиотека отца. Врачеб-

ные успехи Никомаха привлекли внимание македонского царя Аминты II, назначившего Никомаха придворным врачом. В дальнейшем их отношения переросли в дружбу и положили начало известной цепочке Аминта II – Филипп II – Александр Македонский с одной стороны, Никомах – Аристотель – с другой.

О следующем персонаже древнегреческой медицины мы решили напомнить в поддержку нашей убежденности в том, что именно Гиппократ является отцом европейской медицины. В противовес мнению отдельных ученых о том, что авторитет его личности несправедливо раздут, напомним об афинском враче, который жил чуть позже Гиппократа, и афиняне называли его вторым Гиппократом. Какие еще нужны доказательства огромного авторитета Гиппократа, если его именем называют великолепного врача, причем именуют его таким образом люди, еще заставшие в живых самого гения медицины?

Речь идет о враче Диокле, уроженце Каристы (остров Эвбея). Популярность Диокла в Афинах была исключительной [1]. Помимо медицинской практики, он был известен как автор целого ряда исследовательских трудов. Им написан первый учебник по анатомии (кстати, по мнению ученых, он является и автором термина «анатомия», хотя подробная анатомическая номенклатура в Древней Греции существовала еще до Гиппократа).

Диокл не только активно использовал фитотерапию в своей лечебной работе, но и написал труд, посвященный лекарственным растениям, противоядиям, использованию их в медицинской практике.

Но особенно большой вклад внес Диокл в косметологию. Его четырехтомный труд по этому вопросу пользовался огромной популярностью у афинских женщин. Да и современные косметологи почитают Диокла как одного из основоположников этого направления медицины.

Эпиграфом к представлению следующего персонажа древнегреческой фитотерапии мне хочется взять слова великого француза Виктора Гюго: «Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем – преклоняю колени». В Древней Греции, да и вообще в античные времена, людей, перед которыми нужно склонить голову, было предостаточно. А вот о тех, перед которыми можно встать на колени, нам известно очень немного. И не потому, что их было мало, просто высокие качест-

ва человеческой души не всегда оставались в памяти в отличие от пытливого ума, героизма, мужества, непреклонной воли, жестокости, разнообразных талантов и способностей.

Говоря о древнегреческом философе Теофрасте (он сам считал себя прежде всего философом), все исследователи, отдавая должное его многогранности, обязательно упоминают о том, что это был человек огромной души, доброты, необычайной, как бы сказали сейчас, коммуникабельности. Диоген Лаэртский, который оставил наиболее полные сведения о его жизни, писал: «Теофраст был мудрейшим человеком, усерднейшим тружеником и, прежде всего, добрым и ученым». Интересно, что по свидетельству современников у Теофраста даже раб Помпил был философом, ученый впоследствии отпустил его на свободу и даже упомянул его в своем завещании. Мало кто в Древней Греции был удостоен такой любви, почитания, уважения не только учеников, но и окружающих его людей. Известно, что на его похороны (он скончался в возрасте 85 лет) пришло почти все население Афин. До последних дней он был окружен своими учениками (в отдельные моменты в возглавляемом им Ликее одновременно обучалось до 2000 слушателей), не чаявшими души в своем учителе. И он отдавал им все свободное от занятий научной работой. Теофраст не был женат, так как считал, что семья отвлекает от занятий наукой.

Родился Теофраст в 371 году до н.э. в г. Эрес на острове Лесбос. Существует легенда о том, что родители называли его Тиртамом, но Аристотель стал именовать его Теофрастом, что означало «божественный оратор», или «обладающий божественной речью». Если это красивая легенда, то она основана на действительно великолепных ораторских способностях Теофраста. Кстати, риторика в его многочисленных трудах занимала не малое место.

Первым учителем Теофраста был Платон, и лишь позже он связал свою судьбу с Аристотелем. Таким образом, его философская мысль была оплодотворена идеями двух величайших философов античности. Но если у Платона он был просто внимательным учеником, то для Аристотеля стал сподвижником, соратником, другом. Характерно, что Аристотель, умирая, оставил ему не только руководство Ликеем (Теофраст был его scholar-руководителем в течение 34 лет), не только право распоряжаться его рукописями (что имело негативные последствия, так как после смерти Теофраста

они попали в нерадивые руки и, по мнению ряда историков перемешались с рукописями самого Теофраста, создав путаницу, не разрешенную до сих пор), но и доверил ему судьбу своего сына Никомаха.

Повторюсь – Теофраст был, прежде всего, философом. Под стать Аристотелю обладал энциклопедическим умом. Его работы позволяют причислить его к эмпирикам. Известно, что вопреки мнению Аристотеля, выводившего начала познания и знания из разумной души, Теофраст считал, что единственным источником знания являются показания органов чувств, опыт. В работе «О причинах растений» он говорит, что научные теории должны опираться на эмпирическую основу, и эти факты не должны подгоняться под теорию [16].

В трактате «Об огне» Теофраст впервые в истории философии перестал считать огонь такой же стихией, как земля, вода, воздух, обосновывая это тем, что огонь самостоятельно не существует. Только в XVIII веке Лавуазье дал научное объяснение огню как процессу с выделением тепла и света, подтвердив точку зрения древнего грека.

Не обошел он своим вниманием и проблему нравственности, видя высшую цель жизни в служении благу.

Интересно, что, расходясь с Аристотелем по многим проблемам физики, логики, философии (например, в понимании места и пустоты, движения и времени), Теофраст преподносил критику положений учителя таким образом, что она выглядела лишь уточнением позиций Аристотеля, носила как бы «внутренний» характер, не отрицая самого учения великого философа. Это еще раз свидетельствует о том, что в Теофрасте счастливым образом сочетались великий ум и не менее великое сердце. Кстати, историки отмечают, что Теофраст умел великолепно ладить с сильными мира сего, не теряя при этом собственного достоинства.

Теофраст не был религиозным человеком, скорее его можно назвать атеистом, хотя по известным причинам свой атеизм он не афишировал, ограничившись лишь высказываниями против религиозных жертвоприношений, утверждая, что все живое родственно.

Исследовали подсчитали, что перу Теофраста принадлежит 227 трудов по самой разнообразной тематике. Здесь мы видим и «Мнения физиков», работу, которую исследователи считают первой в мире историей философии,

и «О наилучшем государственном устройстве», и «О пьянстве», и «О соли, молоке и квасцах», «О пословицах», «О богах», «Об истории богов», труды по логике: «Аналитика первая» и «Аналитика вторая», «Тописка», философско-полюемическая работа «Против академиков» и т.д. Дионисий Галикарнасский упоминает произведение Теофраста «О царях» [6]. Известны были в Древней Греции и два тома его исследований о музыке.

О разносторонности интересов Теофраста свидетельствует тот факт, что в его работах упоминаются не только растения, но и люди, имеющие отношение к ним – ризотомы (копатели корней), фармакополы – торговцы лекарственными растениями [4].

Самым знаменитым философским трудом Теофраста являются его «Характеры», много раз переиздававшиеся во многих странах мира, в том числе и в России (последнее издание в 2007 году). Ученый описывает 30 человеческих характеров от «притворщика» до «жадного» (в других переводах – от «иронии» до «подлокорыстия») [15]. Описаны характеры живым, образным языком, многие его определения не утратили своей жизненности и в наше время. У современного читателя перечисление человеческих характеров закономерно вызывает вопрос: и это все, не маловато ли? А где героизм, смелость, подлость, страсть к мздоимству и многое другое? Не забудем, что Теофраст – философ, а не психолог и не социолог, у него свой подход, своя цель исследования. Как бы то ни было, книга читается с интересом и дает нам пищу для рассуждений.

Но как бы ни привлекал наше внимание Теофраст-философ, в первую очередь он интересен нам как исследователь природы, натуралист. К естественным наукам Теофраст относился не менее серьезно, чем к философии. Диоген Лаэртский приводит его слова, обращенные к ученикам: «Науку мою или оставьте – ибо требует она немалого труда – или отстаивайте с честью, и тогда будет вам великое счастье» [5].

В своих ботанических сочинениях Теофраст описал 550 растений. Обращает на себя внимание то, что растения были для ученого живыми существами, которые, как и все живое, нуждаются для осуществления своей деятельности во влаге и теплоте. Он задавался вопросом о «причинах растений» и ставил при этом на первое место влияние среды и наследственности. Впервые в истории европейской науки о растениях именно этот древний грек

предпринял попытку систематизации растений. Но перед этим он изложил все, что знал о них. Он подробно описал все части растений (корни, стебель, ветви – состоят из коры, древесины и сердцевин; другими частями растений являются листья, цветы, семена). При этом автор подчеркивает, что каждая часть растений представляет множество различий. Исследователи отмечают, что Теофраст первым использовал термины «дерево, кустарник, лиана, трава» [7].

Большое внимание Теофраст уделяет высшим растениям, подробно описывая сосну, пихту, бук, тисс, липу, клен, ясень, кизил, кедр, мушмулу, рябину, черешню, бузину, иву, вяз, тополь, ольху, орех, самшит, крушину, плющ, лавр, платан. Он описывает среду их обитания, страны, где они произрастают, климат.

Целые разделы посвящены травам, овощам. Особого внимания он удостоивает лекарственные травы. Будучи, наряду с Аристотелем, основателем географии растений, подробно говорит о местах их произрастания. Лекарственная сила деревьев и трав, по его мнению, зависит от того, насколько подходит им место и условия произрастания (вода, ветер, солнце, тень и т.д.). В качестве мест, наиболее подходящих для их роста, упоминает Тиррению, Фракию, Скифию, Эфиопию, Индию, Египет. Он утверждает, что разные лекарственные растения есть во всех странах, разница только в их количестве. Но есть места, где растут уникальные травы. Естественно, что наибольшее внимание Теофраст уделяет лекарственным растениям, произрастающим в Греции: в Фессалии, на Парнасе, в Лаконике, Аркадии (отмечает, что ее жители охотнее всего пьют молоко весной, когда травы особенно действенны).

Теофраста очень интересует аконит, произрастающий на Кипре, на Закинфе, но самый лучший (!) – под Гераклеей Понтийской. Дело в том, что листья и плоды аконита безвредны, а корень имеет смертоносную силу, из-за чего покупка корня аконита каралась смертной казнью.

Представляет интерес рассуждение Теофраста о том, что к лекарственным растениям у некоторых людей может развиваться привыкание, а есть люди, вообще невосприимчивые к ним. Очень интересно мнение ученого о рассказах о растениях-амулетах, якобы отвращающих от человека волшебные чары. Теофраст называет эти рассказы бессмысленными и невероятными.

Говоря о лечебном действии растений, Теофраст иногда приходит к неожиданным обобщениям. Так, сообщая о противоглистном воздействии корня папоротника, он рассуждает об эндемичности глистных инвазий на основании имевшихся у него данных о наличии глистов у разных народов (египтяне, арабы, армяне, сирийцы) и соответственно об их отсутствии у фракийцев, фригийцев, у жителей Афин. Естественно предположить, что в этом случае он опирался не на собственные наблюдения (он, кстати, совсем немного путешествовал), а на данные других исследователей.

Теофрастом впервые описаны болезни растений. Интересны его соображения о взаимоотношениях растений. Он сообщает о случаях, когда одно растение губит другое (лебеда в этом отношении сильнее других).

Отдельное внимание уделяет овощам, правилам их выращивания и даже применению удобрений (навоз, перепревшая солома). Не обходит своим вниманием и вредителей растений. Не упускает из вида соки растений, обращая особое внимание на смолы хвойных деревьев (камедь, ладан, мирра, бальзам).

Теофраст описывает различия трав – одни плодоносят, другие нет; имеют разные листья; имеют разные цветы; имеют разные корни.

Очень интересным представляется его соображение о том, что травы в человеческом организме действуют не только на телесное, но и на духовное состояние.

Среди других лекарственных растений Теофраст наиболее подробно описывает аир, его спазмолитическое и сосудорасширяющее действие, а также целый комплекс свойств: антимикробное, обезболивающее, вяжущее, обволакивающее, седативное, кровоостанавливающее, мочегонное, тонизирующее.

Труды Теофраста (к сожалению, до нас дошла только небольшая их часть) в течение многих веков были путеводной нитью для многих поколений естествоиспытателей. Потомки заслуженно именуют его «отцом ботаники» (иногда вместе с Аристотелем).

Характеристики, даваемые нами Теофрасту, конечно же, несколько односторонни, местами преувеличенно восторженны (еще раз объясню это выдающимися личными душевными качествами этого древнего грека). В то же время некоторые исследователи сумели преодолеть влияние этого обаяния и дают более трезвые и, безусловно, более близкие к действительности оценки научного насле-

дия Теофраста. Вот отрывок из статьи о нем: «Шпренгель подчеркивает у Теофраста редкие «так говорят» или «так говорят аркадийцы». Он прав, указывая, что Теофраст по-видимому кроме Аттики, Эвбеи и Лесбоса едва ли был где, в т.ч. и в остальных областях Греции. Можно сделать вывод, что многие растения Теофраст знал лишь понаслышке. И далее: «Мы видим в Теофрасте, как и в большинстве выдающихся ученых античного мира, громадную эрудицию, великое и благородное стремление к истине, пламенную жажду проникнуть в тайны природы и наряду с этим – полное неумение научно изучать эту природу, более того – нелюбовь, нерасположение к кропотливой, но необходимой работе установления и изучения фактов; это остается позади, как что-то несущественное, низменное, а весь талант, вся энергия уходят в область отвлеченного умствования, и часто с удивительным остроумием и безукоризненной логикой создается стройное, но вполне ложное представление о физических явлениях природы, в других случаях выходит просто игра словами, получается как бы иллюзия знания, а на самом деле один лишь самообман. Все это заставляет осторожно и ответственно отнестись к Теофрасту, а вместе с тем и ко всему тому, что дала классическая древность для ботаники, тем более, что обыкновенно переоценивают значение Теофраста и относятся к нему с преувеличенным восторгом. Он, безусловно, заслуживает звания «отец ботаники», но его ответы значительно слабее поставленных им вопросов, они несовершенны, туманны, наивны и далеки от науки, т.е. «ботаническая наука – не дитя Теофраста». Такую оценку Теофрасту дает в статье Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона один из основоположников отечественной генетики, академик АН СССР Г.А. Надсон [8].

В завершение своей статьи советский ученый признает, что труды Теофраста являются лучшим сборником сведений о растительном мире во всей древности и в продолжении многих веков. С этим нельзя не согласиться.

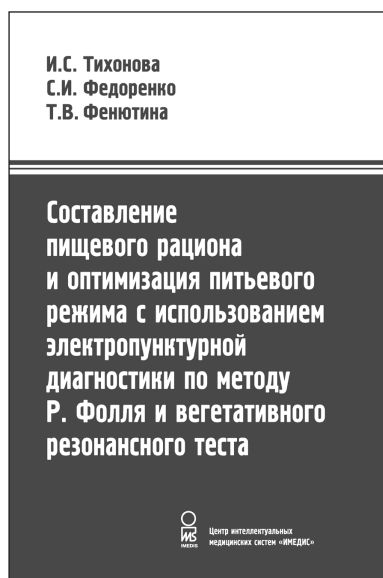
ЛИТЕРАТУРА

1. Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.: Наука, 1983. – 324 с.
2. Грицак Е.Н. Популярная история медицины. – М.: ВЕЧЕ, 2003. – 464 с.
3. Гумилев Л.Н. Этиогенез и биосфера Земли. – СПб.: Азбука, 2013. – 669 с.

4. Даннеман Ф. История естествознания / Под редакцией М.П. Левина и О.В. Шмидта. Издание второе. – М.: Изд-во «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 432 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегреческого М. Гаспарова. – М.: Терра-Кн. Клуб, 2009. – 604 с.
6. Дионисий Галикарнасский. Римские древности / Пер. с древнегреч. – М.: Рубежи XXI, 2005.
7. Жукова Л.А. Лекарственные растения: разнообразие жизненных форм: учебное пособие. – Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2015. – 168 с.
8. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, совр. версия в 24 т. – М.: ЭКСМО, 2005 (Тульская тип.), т. 21 – 255 с.
9. Лазаренко В.Г. Древняя наука и современная интегративная медицина. – Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2011. – 504 с.
10. Лантье Э.Ф. Антеноровы путешествия по Греции и Азии. – М.: типография С. Селивановского, 1814.
11. Левинштейн И.И. История фармации и организация фармацевтического дела. Наркомздрав СССР, Государственное издательство медицинской литературы «Медгиз». – Москва-Ленинград, 1939. – 233 с.
12. Платон. Пир. Собрание сочинений (в 4-х т.) Т.2 / Пер. с древнегреческого. – М.: Мысль, 1994. – 528 с.
13. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. (под общей ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса) / Пер. с древнегреч. – СПб.: изд-во Олега Абышко, 2006.
14. Трохачев С.Ю. Потомок Асклепия // Гиппократ. Этика и общая медицина (пер. с древнегр. В.И. Руднева). – СПб.: Азбука, 2001. – С.5–41.
15. Феофраст. Характеры (перевод, статья и примечания Г.А. Стратановского. Репринтное воспроизведение издания 1974 года. – СПб.: Наука, 2007. – 123 с.
16. Феофраст. Исследование о растениях. – Рязань: Александрия, 2005. – 560 с.
17. Флавий Филострат. Жизнь Аполлона Тианского (пер. с лат. – М.: Наука, 1985. – 328 с.

Адрес автора

К.м.н. Карпеев А.А., Председатель правления
НП «Национальный совет по гомеопатии», заслуженный врач РФ.
KarpeevAA@list.ru

И. С. Тихонова, С. И. Федоренко, Т. В. Фенютина

Составление пищевого рациона и оптимизация питьевого режима с использованием электропунктурной диагностики по методу Р. Фолля и вегетативного резонансного теста

– М.: ИМЕДИС, 2018. – 160 с.

В книге изложены основные понятия диетологии, физиологические основы рационального питания и теория сбалансированного питания. Содержатся сведения о физиологических потребностях здорового человека в пищевых веществах. Приведены основные используемые в диетотерапии специальные диеты, применяемые при лечении и профилактике различных заболеваний.

Рассмотрены механизмы лечебного действия минеральных вод, правила их назначения и приема. Обосновываются принципы выбора питьевого режима пациента, что в сочетании с оптимизацией его питания повышает эффективность проводимого лечения.

Дано описание алгоритмов тестирования продуктов питания и варианты тестирования питьевой воды с практической интерпретацией полученных данных.

Книга предназначена для врачей всех специальностей, в том числе для диетологов и курортологов, применяющих методы электропунктурной диагностики в своей практике.